

— 10 —

**Виѣбогослужебная бесѣда по случаю освященія церкви Морского вѣдомства, построенной на общемъ воинскомъ кладбищѣ въ городѣ Владивостокѣ <sup>1)</sup>.**

*«Больше сея любви никто-же имать,  
да кто душу свою положитъ за други  
свои».*

**Воины Христолюбивые!**

**Много можетъ сказать сердцу cadaго изъ насъ этотъ маленькій храмъ,**

---

<sup>1)</sup> «Дальній Востокъ», № 131.

сейчасъ освященный святительскимъ благословіемъ (чиномъ), храмъ кладбищенскій, храмъ памятникъ.<sup>1)</sup>

Здѣсь, подъ сѣнію его будутъ покоиться безмятежно и мирно въ своихъ преждевременныхъ могилахъ наши воины, пришедшіе сюда, на край русскаго государства, изъ разныхъ уголковъ обширной родины, но которыми Господь не судилъ уже возвратиться въ дома отцовъ. Здѣсь будетъ ихъ обшая братская тихая пристань; здѣсь они, принявшіе кончину въ мирное или военное время, улягутся рядомъ, какъ воины братья, и будутъ лежать, подъ стройными рядами крестовъ, рука объ руку, какъ живые въ строю.

Уже и начало положено: первыми улеглись здѣсь, — рано улеглись, ища успокоенія предъ иконой «всѣхъ скорбящихъ радости», тѣ<sup>1)</sup>, «душа коихъ прискорбна была даже до смерти». Уже сегодня совершена архипастыремъ первая умиловительная жертва «о здѣ лежащихъ», отнынѣ имѣющая совершаться, доколѣ существуетъ самый храмъ.

Но не только о здѣсь лежащихъ воинахъ будетъ дориносима спасительная таинственная жертва. Вѣдь это братское кладбище—среди морей и горъ—лишь часть огромнаго дальневосточнаго воинскаго кладбища, гдѣ не осталось и нѣтъ ни одного храма,—говору не осталось, ибо тамъ были лишь походные храмы, сооруженные руками нашихъ воиновъ.

Любили они эти храмы и горячо молились въ нихъ, милости Божіей и помощи требуя, молились иногда при такой обстановкѣ, когда вмѣсто колокола раздавались звуки орудіяныхъ выстрѣловъ, вмѣсто стѣнъ храма были склоны горъ, а куполомъ—сводъ небесный. Молились съ вѣрою, что гдѣ-бы, когда и кто ни находился: на горной-ли вершинѣ или въ полѣ и окопѣ, днемъ-ли или въ часъ ночной, на cadaго съ великаго свода небеснаго незримо смотреть всевидящее око Божіе, безъ воли Котораго не упадетъ ни одинъ волосъ съ головы человѣческой. Укрѣпляемые этою вѣрою, шли воины на предлежащій имъ подвигъ, не боясь ранъ, не страшась и самой смерти: умирающаго пріобщали мы (священники) св. Таинъ, а убиеннаго предавали землѣ съ честью, какъ и на далекой родинѣ. И всѣ крѣпко вѣровали, что хотя прахъ убитаго навсегда скроется изъ очей нашихъ въ нѣдрахъ чуждой земли, но что душа его предстанетъ на небо, гдѣ ее, какъ праведную жертву, встрѣтитъ Самъ Христосъ: «благой рабъ и вѣрный, види въ радость Господа твоего». Здѣсь почерпали умираю-

<sup>1)</sup> Командиръ ирейсера «Аскольдъ» капитанъ 1-го ранга Глазиль, вичманъ Коломйцевъ.

шіе войны успокоеніе, а мы обѣщали молиться за нихъ въ храмахъ родины, чтобы простилъ имъ Господь всякое прегрѣшеніе. Въ дни поминовенія воиновъ, въ этомъ кладбищенскомъ храмѣ будутъ помянуты наши страстотерпцы, на бранныхъ поляхъ Дальняго Востока животь своей положившіе.

А дыханіе океана, бурное и туманное, напоенное кровію и пороховымъ дымомъ, наипаче напоинитъ насъ о войнахъ—мученикахъ моря, похороненныхъ тоже, какъ въ братской могилѣ, въ пучинахъ дальневосточныхъ морей. Изъ глубинъ морскихъ, что видны изъ оконъ, въ нашеиъ сознаниіи встають какъ тѣни, какъ призраки, души ихъ, съ вѣрою и честью положившихъ жизнь свою въ неравныхъ бояхъ, особливо въ страшномъ послѣднемъ бою. Они стремились сюда, на израненныхъ судахъ, къ отечественнымъ берегамъ, гдѣ и стоитъ этотъ храмъ. У нихъ, мотоленныхъ 9-ти мѣсячнымъ переходомъ, океанскими бурями, жарами тропическими, ожиданіемъ смертнаго боя, съ зловѣщими и тяжелыми, какъ крышка свинцоваго гроба предчувствіями, у всѣхъ ихъ было желаніе пробиться сюда, въ Владивостокъ. Иные, быть можетъ, и здѣсь, плывуть вблизи береговъ, и ждуть погребенія и просятъ молитвы. «Кто можетъ — молитесь, чтобы Богъ пересталъ насъ казнить за наши грѣхи», — какъ писалъ одинъ изъ сихъ страстотерпцевъ. Молитву въ семь храмѣ услышать они. Здѣсь будутъ благоговѣнно погребены имена ихъ: у насъ уже составляются списки именъ, которыя и будутъ начертаны <sup>1)</sup>, съ хронологическими датами, съ указаніемъ судовъ, на мраморныхъ цитахъ (доскахъ), что будутъ на церковныхъ стѣнахъ. Ибо имена эти, ихъ подвиги, должны быть безсмертны: въ вѣчную память о нихъ и въ назиданіе будущимъ бойцамъ.

Храмъ этотъ впишетъ на стѣнахъ своихъ: «Александра Ш», съ коимъ отдали душу Богу, а тѣло морю, всѣ офицеры и вся команда до единого человѣка, и напоинитъ, какъ на килѣ этого опрокинувшася гиганта въ послѣднія минуты стояли офицеры и матросы и кричали русское привѣтствіе (ура) идущимъ на гибель другимъ кораблямъ. Океанъ разверзся и въ своей бездонной могилѣ похоронилъ такое же великое, какъ онъ, непобѣдимое чувство долга. Впишетъ и напоинитъ «Ослябя», который погибъ первымъ, буквально засыпанный снарядами; тонулъ нѣсколько минутъ, спаслось около 100 человѣкъ. «Бородино», «Суворовъ», «Наваринъ».

Все море кругомъ ихъ отъ минныхъ и ядерныхъ взрывовъ преврати-

<sup>1)</sup> Твердо вѣрять, что строитель храма, воен. инженеръ полк. Андрей Ив. Исаковъ, исполнитъ это свое обѣщаніе, и въ недалекомъ будущемъ.

лось въ лѣсъ фонтановъ. Тонувшимъ посланы были 3 миноносца, но не успѣвъ миноносецъ подойти къ кругу, за который ухватились 30—40 утопающихъ, вдругъ снарядъ—и изъ всего круга образуется красный (красный) фонтанъ. (Изъ «Лѣтописи войны съ Японіей», по Нов. Вр., № 11554 1908 года «Мученики за Россію», Меньшикова). На священныя щитахъ будутъ написаны жертвы этого страшнаго человѣческаго жертвоприношенія, совершеннаго въ пучинахъ морскихъ. Напишутся герои «Адмирала Ушакова». Выдерживалъ день и ночь жестокой огонь, видя, какъ сгораютъ и тонуть боевые товарищи, броненосецъ «Ушаковъ» самъ получилъ двѣ тяжелыхъ пробоины и погрузился носомъ; стало трудно стрѣлять и управляться, однако рѣшили биться до конца. На небольшое (въ 4000 тоннъ) и израненное судно напали два огромныхъ японскихъ крейсера (по 19700 тоннъ). Съ послѣднихъ данъ былъ сигналъ «совѣтую вамъ сдать вашъ корабль»,—и затѣмъ шло еще какое-то продолженіе сигнала. «Продолженіе и разбирать нечего»,— сказала (Миклуха) командиръ «Ушакова»,— «открыть огонь!» Даже и эти немногіе наши выстрѣлы не долетали до непріятеля; японцы же издали засыпали «Ушакова» ядрами. У насъ приступили къ обряду умиранія, и броненосецъ пошелъ на дно. «Суворовъ» не осрамилъ своего историческаго имени, онъ принялъ не одну, а три смерти: онъ былъ разстрѣлянъ, сожженъ и потопленъ, но не сдался. По японскимъ источникамъ «Суворову» два раза предлагали сдаться, на что оставшаяся кучка героевъ отвѣчала залпами изъ винчювокъ, такъ какъ уже ни одной цѣлой пушки не оставалось. Послѣдній залпъ раздавался, когда «Суворовъ» наполовину уже скрылся подъ водой, вмѣстѣ съ тѣми, имена коихъ на щитахъ храма будутъ написаны. Будутъ записаны герои «Наварина», который, замѣтивъ отчаянное положеніе «Суворова», горѣвшаго какъ костеръ, прикрылъ его собою отъ сыпавшихся японскихъ бомбъ. Разбитый, взорванный минами и бомбами, съ перебитою командою, смертельно раненный командиромъ, броненосецъ все еще держался. «Вѣрные принятому рѣшенію умереть, но не сдаться», пишетъ одинъ участникъ боя, «офицеры передъ самою гибелью судна простились съ выстроеною командой и, готовясь къ смерти, братски перецѣловались другъ съ другомъ». Англійскій пароходъ успѣлъ спасти трехъ матросовъ, которые и рассказали объ ужасахъ этой ночи, въ теченіе которой всѣ другіе умерли на водѣ отъ истощенія или были разстрѣляны.

Будутъ записаны имена 160-ти нижн. чиновъ «Свѣтланы», съ храбрыми

командиромъ и офицерами. Геройскій крейсеръ, на другой день боя, уже полуразбитый, былъ атакованъ двумя японскими крейсерами и миноносцемъ. Снарядовъ почти уже не было, но на военномъ совѣтѣ рѣшено было: «вступить въ бой и когда будутъ израсходованы снаряды—затопить крейсеръ». Взорваться было нельзя, такъ какъ минный погребокъ былъ залитъ еще накануне. Но какъ рѣшили, такъ и сдѣлали: пробившись нѣсколько часовъ, открыли кингстоны, крейсеръ легъ на лѣвый бортъ, безжалостно разстрѣливаемый врагомъ, и пошелъ на дно съ *поднятымъ* Андреевскимъ флагомъ (ibid).

Будутъ записаны имена доблестныхъ моряковъ: «Владимира Мономаха», подвергшагося девяти миннымъ атакамъ, разстрѣляннаго и потонувшаго тоже съ *поднятымъ флагомъ*; — «Рюрика», погибшаго ранѣе въ отчаянномъ бою; «Изумруда», тоже израненнаго и погибшаго на порогѣ родныхъ береговъ.

Я поминую далеко не всѣхъ, ибо синодикъ великъ. Въ него не вошли имена тѣхъ моряковъ, что погибли на Портъ-Артурскихъ твердыняхъ. Выйдя изъ родной стихіи на сушу, они грудью стали на форты, съ винтовками въ рукахъ, своею отчаянною храбростью удивляли даже геройскихъ стрѣлковъ и своею горячею кровью обильно оросили развалины Артура.

Но придетъ время—и не останутся безъ продолженія эти поучительныя строки, ибо, какъ видите, *видома* русскому воину великая заповѣдь Спасителя: «больше сея любве никто же имать, да кто душу свою положить за други своя»,—за святую Русь и древнее Андреевское знамя.

Здѣсь будетъ почерпать въ трудные дни мужество семья моряковъ Дальняго Востока, здѣсь будетъ находить утѣшеніе русское сердце, читая имена героевъ, замученныхъ и убитыхъ за великое имя Матери—Родины. Ибо ничто такъ не поддерживаетъ бодрости духа, какъ примѣръ и имена героевъ. Пусть разбито *тыя* флота, но осталась непобѣдимою душа его, пока въ немъ не перевелись эти мученики долга, память о коихъ будетъ благоговѣнно хранить этотъ храмъ.

Приходя въ него, христіолобивый воинъ, преклони колѣна и помани погибшихъ братьевъ твоихъ.

Священникъ А. Болословскій.